

КОГДА НАСТУПАЕТ ЗРЕЛОСТЬ

ОБЫЧНО артист бывает старше своего героя. У Михаила Козакова часто случилось наоборот. Совсем юным он сыграл Гамлета в спектакле Николая Охлопкова. Затем последовали Сирано де Бержерак, Он («Четвертый» К. Симонова), Адуев-старший в «Обыкновенной истории» И. Гончарова...

Но годы идут, литературные герои не стареют, а человек, увы, подвластен времени. И вот уже и Адуев, и Кочкарев из «Женитьбы» и мольеровский Дон Жуан

приблизительно ровесники артиста. Сыграно пятьдесят ролей в театре, около тридцати — в кино.

Настала пора зрелости. А зрелость — это еще и осмысление пройденного пути, когда хочется остановиться, оглянуться, понять нечто важное в самом себе, чтобы увереннее и целеустремленнее идти дальше.

Для актера такая возможность — «солный» творческий вечер, когда он сам составляет программу и может показать, хотя бы в отрывках, все лучшее, наиболее су-

щественное и значительное.

Творческий вечер Михаила Козакова состоялся на днях в Центральном Доме архитектора. Мы увидели сцены из «Обыкновенной истории», «Дон Жуана», «Женитьбы», фрагменты из кинофильмов и телевизионных постановок.

И еще раз подтвердилось, что количество далеко не всегда переходит в качество. Из многочисленных ролей М. Козакова в кино, пожалуй, ни одну не поставишь вровень с его последними театральными работами.

На телевидении возможности артиста раскрываются более интересно и разнообразно. Я имею в виду и показанные на вечере отрывки из телеспановок «Вся королевская рать», «Соломенная шляпка» и не вошедший на сей раз в программу «Пиквикский клуб», где М. Козаков с редкостным комизмом и сатирической остротой сыграл мистера Джингля.

И все же главное поле деятельности артиста — сцена. Ранее с «Современником», а теперь с Театром на Малой Бронной связаны наиболее значи-

тельные его создания. Грустный житейский скептицизм Адуева-дядюшки. Отважная, бунтарская, беспощадная мысль Дон Жуана. Суетливая, направленная «в никуда» энергия Кочкарева. Все это работы действительно зрелого мастера.

Но едва ли не самым ярким впечатлением от вечера остались стихи, прочитанные М. Козаковым. Не столько их исполнение, сколько сами стихи очень разных поэтов — от грузинского классика Н. Бараташвили до нашего современника Д. Самой-

лова. Артист не пытался «играть» поэтические строки, создавать некий театр одного актера. Он просто читал любимые стихи любимых поэтов. И искренняя его любовь, увлеченность передались нам, слушателям, вызвали ответный сердечный отклик...

Не прост и не гладок обычно путь всякого одаренного артиста. Михаил Козаков — не исключение. Из десятков ролей не так уж много истинно удачных. Но среди этих несомненных удач — последние его работы.

Теперь дальше, дальше.

Б. ЕВСЕЕВ.